

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СИБИРИ

АЛЕКСАНДР ЧЕЧЕВИШНИКОВ
МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье анализируется государственная политика на российском Дальнем Востоке в контексте политики РФ в АТР с акцентом на российско-китайских отношениях.

Неудовлетворительность демографической ситуации на Дальнем Востоке заключается не в дефиците «рабочей силы», а в ее невысоком качестве. Массовая иммиграция «соотечественников» из бывших среднеазиатских республик СССР только усугубляет эту проблему. Акцентирование же на официальном уровне дефицита «населения» на Дальнем Востоке отражает унаследованное от советской эпохи отношение к гражданам как к ресурсу, необходимому для сохранения контроля над этим удаленным регионом. Автор исходит из того, что стратегические задачи сохранения устойчивого контроля над дальневосточными территориями и их сбалансированного развития не требуют ни многократного роста местной экономики, ни многократного роста внешнеторгового оборота. В качестве оптимального, но, к сожалению, умозрительного источника иностранной трудовой иммиграции автор указывает на Южную Корею. Вопрос же о приемлемости китайской иммиграции должен увязываться с объемом инвестиций кандидата в хуацяо в местную экономику. Экономические плоды активизации российской политики в АТР, по мнению автора, носят пока в основном локальный, приграничный характер. Что же касается масштабных проектов экспорта нефти и газа, их реализация зачастую не влечет адекватного мультиплицирующего эффекта в развитии соответствующих регионов, так как сопровождается существенными налоговыми льготами. Налицо и фактическое отсутствие федеральной политики развития приграничного сотрудничества и адекватного федерального законодательства в данной сфере. В том числе и поэтому имеют место выраженные диспропорции в развитии приграничных регионов России и Китая.

Декларируется как приемлемая ситуация, в которой ни одна из стран – партнеров России, чьи хозяйствующие субъекты участвуют в разработке ресурсов Дальнего Востока, не обрела доминирующей роли в этой своей ипостаси. Оптимальным было бы выстраивание своего рода «концерта интересов» инвесторов и торговых партнеров – из США, Японии, Южной Кореи и, разумеется, Китая.

В статье сделан акцент и на научно-аналитическом обеспечении государственных решений. Автор констатирует: восточный вектор российской политики актуализирован в то время, когда четвертое и пятое поколения китайского руководства постепенно дистанцировались от знаменитых 28-ми иероглифов Дэн Сяопина, что вводит в аналитический фокус вопрос о будущем позиционировании Китая в мире. Условия же, в которых «развивается» российское востоковедение сегодня, неадекватны вызовам реальности. Так, на фоне отмирания верхнего уровня российской китаистики имеет место сокращение конкурентной среды в китаеведческой аналитике. Необходимы государственные меры, которые повернут вспять процесс деградации российского востоковедения.

Ключевые слова:

стратегическое планирование и реализация программ развития Дальнего Востока; политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе; российско-китайские отношения; российское востоковедение.

Возбуждение, которое вызывает Сибирь — это странная ностальгия по дому, который таковым не является.

Йонас Лид¹

На Дальнем Востоке Сибири² внешняя и внутренняя политики переплетены до степени неразличения. Актуализация в последние годы так называемого восточного вектора проблематизирует обстоятельства, далекие от привычного мейнстрима, и заставляет формулировать вопросы, возможность корректного ответа на которые вызывает сомнения. Созданный когда-то сибирскими областниками миф оказался настолько устойчивым, что современная — нефтегазовая — его составляющая не смогла вытеснить из сферы бессознательного нечто, не укладывающееся ни в какие рамки и требующее неких *a priori* особых подходов.

Сибирь и ее Дальний Восток являются тылом, ресурсом, резервом выживаемости нашей страны. Такие утверждения являются банальностью со времен Ломоносова. С относительно недавних пор стали банальностью и рассуждения о Дальнем Востоке как некоем портале, звёздных вратах в бурно развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион. В начале 2000-х годов пришло осознание острейшего противоречия между ускоренной «маркетизацией» дальневосточных регионов и потребностями не только сохранения формальной целостности РФ, но и фактической эффективности власти федерального правительства. В последние годы развеялось ощущение угрозы позиционирования этих пространств как некоего «достояния человечества» — вместе с фиаско глобальной климатической политики. Но остается актуальным вердикт десятилетней давности: «Впадать в мракобесие старой советской или новой воинственно-охранительной пропаганды не стоит. Никто не собирается силой захватывать куски россий-

ских территорий. В этом смысле [...] безопасности восточных регионов России ничто не угрожает. Но за рубежом серьезно собираются осваивать их ресурсы — причем, более серьезно, чем к тому расположено само российское правительство — стесненное в средствах, не желающее принимать на себя «слишком большие» обязательства перед населением восточных районов, колеблющееся между интересами различных групп отечественного и зарубежного бизнеса» [Богатуров 2004: 92].

Это предупреждение смыкается с проблемой, которая не менее полутора столетий присутствует в общественном дискурсе, — необходимостью преодоления колониальной политики имперского (союзного, федерального) центра в отношении Сибири и Дальнего Востока, заключающейся в их эксплуатации и подразумевающей местных подданных лишь одним из «факторов производства».

Наконец, на периферии внимания находится совокупность обстоятельств, имеющих системообразующий характер. Бесконечные пространства и холод являют собой своего рода запретительный налог на жизнь и деятельность в Сибири. Проблема разумной социальной цены и оптимальных социальных технологий использования этих суровых территорий до сих пор отсутствует в политическом дискурсе.

Представления о лежащих втуне богатствах Сибири питают надежды на «восточный вектор», который даст нашей стране мощный импульс развития. При этом рассуждения о потребной интеграции в АТР зачастую носят умозрительный характер, слабо корреспондируя с дальневосточными реалиями России.

1

Былые фобии и новые опасности. Почти четвертьвековой опыт жизни без железного занавеса на границе с КНР показал ил-

¹Лид Й. Сибирь — странная ностальгия / Пер. с норв. М.: Весь Мир, 2009. С. 105.

²Такая акцентация делается, в том числе, в связи с декларированным осенью 2013 года Д.О. Рогозиным непониманием словосочетания «Дальний Восток». Обзор интерпретаций соотношения образов Сибири и Дальнего Востока см. в фундаментальной монографии А.В. Ремнева [Ремнев 2004: 31–39].

люзорность фобий 1990-х годов, когда перспектива заселения Дальнего Востока китайцами воспринималась как реальная опасность. Предпринятые с тех пор меры ввели китайскую трудовую и предпринимательскую миграцию в рамки настолько зримые, что в последние годы местное русское население стало видеть в китайцах прежде всего полезное дополнение своей повседневности³. Актуальной угрозой для русских теперь являются «соотечественники» из бывших среднеазиатских республик СССР. Новый начальник УФМС по Приморскому краю М.В. Белобородов объясняет это так: «Потому что китаец приезжает, даже если нелегально, по туристической визе, за две недели ставит у кого-нибудь на даче забор, получает деньги и уезжает. Он как мышь – его не видно и не слышно. То же самое северный кореец, вьетнамец. А узбеку, во-первых, 90 суток можно пребывать здесь без визы. А во-вторых, он приехал, чтобы всеми путями легализоваться. Психология разная. *Сейчас сюда едет молодежь 25-27 лет, которая не знала СССР, не знает языка. Но они хотят остаться, гражданство получить, рожать детей на нашей земле.* (Курсив мой. – А.Ч.) А вы съездите в роддом на “Чайке”! Посмотрите, сколько туда привозят беременных женщин. А в школу № 54 на Тихой зайдите – там целые классы формируются из иностранных граждан! Они начинают группироваться, ставить свои условия. И главное – мы обязаны принимать их в школы. Ни одна школа за границей не возьмет ребенка, если он не оформлен как житель. А у нас берут и учат»⁴.

Гражданам России невозможно объяснить, почему на их детей государством возлагается повинность по обеспечению социализации детей иммигрантов. Сегодня

реализация права на образование детей иммигрантов осуществляется фактически путем ущемления прав граждан России. И в этой связи необходимо помнить статью 17 Конституции РФ: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (п. 3).

По прочтении комментария М.В. Белобородова напрашивается вывод: китайцы лучше, чем узбеки. При всей неполиткорректности подобной постановки вопроса автор подтверждает, что это и его вывод. Во всяком случае, так есть сегодня и так будет в среднесрочной перспективе. Уровень культуры и уровень управляемости гастарбайтеров-китайцев гораздо выше «показателей» аналогичной категории узбеков, таджиков и киргизов. Эти последние представляют собой сельскую молодежь, выросшую в отсутствие благотворного воздействия русской культуры и книжной культуры своего народа, в условиях стремительного обнищания и ретрадиционализации центральноазиатских обществ. Для этих людей напыщенные речи о дружбе народов и «евразийской цивилизации» являются пустым звуком. Им чужды и идеи мультикультурализма и толерантности. Эти иммигранты воспринимаются дальневосточниками как варвары и в своей массе таковыми являются.

Приморскому УФМС вторит Сахалинское УМВД. В отчете, предоставленном областной полицией депутатам Сахалинской областной Думы на ее пленарном заседании 20 февраля 2014 года, предлагается радикальная смена миграционной политики Российской Федерации: «Для предотвращения дальнейшего роста “иностранной” преступности необходимо законодательно ужесточить требования к иностранным гражда-

³Развевался и еще один миф – не настолько популярный, как китайский, но также циркулировавший в политических кругах Москвы в 90-е годы – о сибирских и дальневосточных сепаратистах. Приходится констатировать, что после десятилетий советской власти ни интеллектуальные, ни, тем более, политические элиты восточных регионов России уже не в состоянии предъявить что-либо пусть отдаленно напоминающее идеологию областничества.

⁴Глава приморской миграционной службы Максим Белобородов: «У китайцев и узбеков психология разная!» // VL.ru, 2013. 26 ноября [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsvl.ru/society/2013/11/26/maxim_beloborodov/#ixzz2lqhXxTKs

нам, трудоустраиваемся в РФ, стимулировать работодателей к привлечению на работу коренного населения, а также выйти в Госдуму с законодательной инициативой об отмене безвизового режима с Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном»⁵.

И хотя практика работы российского парламента демонстрирует высокомерное игнорирование законодательных инициатив субъектов РФ, сама по себе такая постановка вопроса региональным управлением МВД показательна⁶. Использование же сахалинской полицией однозначных формулировок, возможно, было обусловлено сенсационным заявлением о неизбежности введения визового режима с рядом постсоветских государств, которое 13 января 2014 года сделал заместитель председателя Правительства РФ Д.Н. Козак в интервью телеканалу «Россия-24»⁷.

В процитированных выше рассуждениях начальника УФМС по Приморскому краю ключевым моментом представляется «китаец приезжает... ставит... на даче забор, получает деньги и уезжает». То есть он не пускает здесь корни. Имея в виду принципиальную неассимилируемость китайцев, такую, маятниковую, модель следует рас-

сматривать как оптимальную. Среднеазиатская же иммиграция разрушает основы повседневности, провоцирует новую цивилизационную катастрофу, которая блокирует процессы социальной регенерации, начавшиеся после завершения эпохи советской девиации. На Дальнем Востоке опережающими остальную Россию темпами формируется своего рода дурная конгломеративность⁸. Выражаясь языком современной молодежи, при виде заселяющих Дальний Восток среднеазиатов у местных русских происходит «разрыв шаблона». Продолжение такой политики чревато новым исходом коренных дальневосточников прежде всего в становящиеся всё более доступными и комфортными Китай и страны Юго-Восточной Азии.

Спустя сто лет вновь актуальны тревожные слова депутата Государственной Думы от Забайкальской области, председателя Сибирской парламентской группы Н.К. Волкова, объявившего с думской трибуны, что «стон стоит по всей Сибири», так как переселенческие чиновники отбирают у сибирских старожилов, казахов и бурят лучшие земли, а «беспредельная емкость Сибири – всего лишь миф [Восток России

⁵УМВД Сахалинской области предлагает отменить безвизовый въезд в РФ из Киргизии, Узбекистана и Таджикистана // Интерфакс. 2014. 21 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-russia.ru/FarEast/news.asp?id=475444&sec=1671>

⁶В аналогичном контексте находится известная инициатива депутатов Законодательного собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 февраля 2013 года «О внесении изменений в статью 17 Закона Российской Федерации "О Государственной границе Российской Федерации" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», которая предполагает ужесточение регламента пребывания в пограничной зоне и выдворения за ее пределы. Негативное заключение Правительства РФ на данную инициативу подтолкнуло ЗС ЯНАО 26 ноября 2013 года отозвать ее для доработки. Как выразился председатель ЗС С.Н. Харючи, «иначе мы на целый год теряем законодательную инициативу по данному вопросу» (Вопрос о закрытии границ Ямала отложен на долгий срок. Депутаты отзывают из Госдумы свой проект об ужесточении въезда в регион // Znak.com. 2013. 26 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.znak.com/yamal/news/2013-11-26/1014921.html>).

⁷«Я думаю, что визы неизбежно нужны, поскольку опять же уровень социально-экономического развития государств, как и во всём мире, различный. Если мы не будем регулировать эти миграционные потоки через визовый режим, то мы не сможем защитить нашу страну от тех же межнациональных конфликтов. [...] Коль скоро так случилось, мы живём не в едином государстве, то каждое государство должно действовать исходя из соображений обеспечения прежде всего национальных интересов. Будут другие государства, будут они выравниваться, достигать того же уровня, например социально-экономического развития своих стран, тот же уровень безопасности будет... Наверное, со временем, так же, как это в Европе произошло, этот визовый режим будет исчезать, но на нынешнем этапе социально-экономического развития мы не можем без этого обойтись» [Дмитрий Козак дал интервью телеканалу «Россия-24» // Интернет-портал Правительства РФ. 2014. 13 января [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/vice_news/9510).

⁸О концепции конгломеративного общества см.: [Богатуров, Виноградов 2002; Богатуров 2008].

2011: 127]. И показательно, что перед Первой мировой войной во всех отраслях хозяйства Дальнего Востока России была развернута борьба с «желтым трудом», а во Владивостоке, в Благовещенске, Хабаровске, Николаевскена-Амуре и Никольск-Уссурийском были образованы особые кварталы для проживания тех иностранцев, антисанитарные условия жизни которых вызывали необходимость надлежащего за ними надзора [Романова 2013: 125, 127].

Рассуждая умозрительно о приемлемых источниках рабочей силы, можно указать на корейцев. Их иммиграция в русские пределы не создавала в прошлом существенных проблем ни сибирякам, ни местным властям, хотя численное доминирование корейцев в ряде волостей Южно-Уссурийского уезда вызывало немалое раздражение [Денисов 2013]. Корейские беженцы признавались отличным колониационным материалом, в чьей лояльности Российской империи не приходилось сомневаться. Они, в отличие от китайцев, стремились осесть здесь навсегда и прилагали для этого огромные усилия [Восток России 2011: 13-14].

И сегодня корейцы отличаются высокой способностью к адаптации и ассимиляции. Однако в нынешних условиях разделенной Кореи, когда процветающий Юг стоит на пороге мучительной инкорпорации деградировавшего Севера, рассчитывать на корейцев как на весомую альтернативу не приходится. И всё же представляется полезным – не препятствовать укоренению выходцев из Южной Кореи в тех случаях, когда соответствующее стремление будет проявляться.

Укоренение же китайцев, по-видимому, полезно и допустимо тогда, когда кандидат в хуацяо инвестирует средства в местную экономику, создавая существенное количество новых рабочих мест. Очевидно, что среднеазиатские «соотечественники» являются се-

годня *угрозой*, то есть реализовавшейся опасностью, а китайское проникновение было и остается *вызовом*, то есть опасностью гипотетической, укорененной в сознании поколений профессиональных Китаеведов.

2

Перспектива «конвертации» политики в АТР в развитие восточных регионов.

Усиленная акцентация восточного вектора внешней политики России наметилась после того, как не были достигнуты цели российского председательства в «группе восьми» в 2006 году. Руководство страны взяло курс на подключение восточных регионов к масштабным международным проектам. В 2007 г. Правительство РФ утвердило новый вариант программы «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г.», а в 2008 г. дополнило ее подпрограммой «Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР». Как отмечает В.Л. Ларин, финансирование этой подпрограммы, в отличие от большинства предшествовавших программ, не только аккуратно выполнялось, но и было увеличено [Ларин 2013: 14]⁹. В 2009 г. была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». В декабре 2012 г. в Послании Федеральному Собранию В.В. Путин подтвердил, что вектор развития России в XXI веке – «это развитие на восток», а использование колоссального потенциала Сибири и Дальнего Востока – это «возможность занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹⁰.

В ходе дискуссий на Деловом саммите АТЭС на Бали (7-8 октября 2013 года) обсуждалась задача преодоления недостаточной взаимосвязанности региона (по определению индонезийской стороны). В.В. Путин заявил тогда, что Россия «готова внести конкретный вклад в её реализацию. Мы расши-

⁹В качестве иллюстрации: инвестиционные задания принятой в 1996 году президентской программы развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. были выполнены лишь на 10% [Киреев 2011: 276].

¹⁰Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2012 года // Интернет-портал Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>

ряем, как вы знаете, пропускную способность Транссиба и Байкало-Амурской магистрали, наращиваем потенциал Северного морского пути»¹¹. Подтверждением последнего является совершенная на саммите «группы двадцати» в Санкт-Петербурге (5–6 сентября 2013 года) в присутствии В.В. Путина и Си Цзиньпина сделка по покупке компанией CNPC 20% акций проекта «Ямал СПГ». Проект предусматривает строительство завода по производству сжиженного природного газа на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения. Предполагается также создание транспортной инфраструктуры, включающей морской порт, способный принимать крупнотоннажные СПГ-танкеры, и аэропорт в районе вахтового поселка Сабетта на восточном берегу Обской губы. Предполагается, что завод по сжижению природного газа мощностью 16,5 млн. т в год будет введен в строй в 2016 году¹². В соответствии же с соглашением, подписанным в декабре 2012 г. в ходе визита в Москву тогдашнего главы Госсовета КНР Вэнь Цзябао, Россия обязалась построить к 2017 г. третий и четвертый энергоблоки Тяньваньской АЭС.

Но в целом экономические плоды активизации российских усилий в АТР носят пока более локальный, приграничный характер. Президент России косвенно признал это на саммите АТЭС, обозначив лишь один «актив»: «Месторождения Сахалина уже обеспечивают около 10 процентов потребностей Японии в сжиженном природном газе. Объёмы поставок нашим партнёрам по АТЭС возрастут после соору-

жения «Газпромом» во Владивостоке нового завода СПГ мощностью 10 миллионов тонн»¹³. Что же касается использования Северного морского пути, а также Транссиба и БАМа, то здесь В.В. Путин лишь выражал надежду на сотрудничество Китая и Южной Кореи в реализации соответствующих проектов – «тем более что Россия сама будет инвестировать эти проекты, в том числе, вы знаете тоже об этом, о наших планах, из Фонда национального благосостояния мы намерены туда деньги вложить»¹⁴.

В этой связи следует напомнить, что ОАО «Газпром» приняло инвестиционное решение относительно освоения Чаяндинского нефтегазоконденсатного месторождения в западной Якутии (Лено-Тунгусская провинция), строительства газопровода Чаяндинское – Хабаровск в одном коридоре с нефтепроводом Восточная Сибирь – Тихий океан, создания в районе Благовещенска газоперерабатывающего завода. Но проработка конкретных путей реализации этого проекта ведется крайне медленно. Не вдаваясь здесь в обсуждение проблем комплексного освоения упомянутого месторождения, укажем на то, что в специальной литературе обсуждаются варианты формирования в обозримой перспективе газопроводной системы по маршруту Ковыктинское – Чаяндинское – Хабаровск – Владивосток с отводами на Китай в районе Сковородино, Благовещенска, Дальнереченска; в Корею – по подводному газопроводу Владивосток – Каннин – Сеул либо наземному газопроводу Влади-

¹¹Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании саммита АТЭС // Интернет-портал Президента России. 2013. 8 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19382>

¹²«Новатэк» и CNPC заключили договор купли-продажи доли в проекте «Ямал СПГ» // Интернет-сайт ОАО «Новатэк». 2013. 5 сентября [Электронный ресурс]. URL: http://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=783

¹³Кроме того, на саммите АТЭС в сентябре 2012 года «Роснефти» удалось договориться с китайской компанией CNPC о строительстве еще одного НПЗ в Тяньцзине. В рамках соглашения китайская сторона уполномочила российско-китайское СП на операции по импорту нефти с последующей торговлей нефтепродуктами нефтеперерабатывающего завода как внутри КНР, так и за ее пределами, что является эксклюзивным правом среди компаний с участием иностранного капитала на территории Китая [Эдер, Филимонова 2013: 125].

¹⁴Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании саммита АТЭС // Интернет-портал Президента России. 2013. 8 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19382>

восток — Пхеньян — Сеул [Конторович, Эдер, Филимонова 2014].

Несмотря на то что Дальний Восток является периферией АТР, выходя на северо-западные берега Тихого океана, некоторое транспортное оживление здесь генерируется потеплением Арктики¹⁵. Северный морской путь существенно короче маршрута через Суэцкий канал — если контейнеровоз следует, например, из Шанхая в Гамбург, то на 5200 км¹⁶. Перспективы трансконтинентальных перевозок по Транссибу омрачаются появлением железнодорожных маршрутов из Центрального Китая через Казахстан в Германию¹⁷. По маршруту из Владивостока / Находки в Москву курсируют контейнерные поезда с регулярностью дважды в сутки¹⁸. Впрочем, в 2014 г. начато строительство железнодорожного моста через Амур¹⁹, который станет четвертым железнодорожным переходом между Россией и Китаем, наряду с Забайкальск — Манжурия, Гродеково — Суйфэньхэ, Махалино — Хунчунь, и позволит, в частности, решить проблему сезонности речных пограничных переходов, приблизив Амурскую область и ЕАО к рынкам Китая.

Озачеченность российского руководства малыми масштабами сотрудничества с субъектами на пространстве АТР в немалой степени определяется их сопоставлением с

масштабами, например, американо-китайского взаимодействия. Однако планируемое исправление такой диспропорции (в частности, за счет доведения российско-китайского товарооборота к 2020 г. до 200 млрд. долл.), если и будет достигнуто, то прежде всего за счет экспорта российских энергоресурсов и встречного импорта китайских промышленных товаров. Искусственная «накачка» товарооборота на руку в первую очередь китайской мировой «фабрике».

Вызывает вопросы и инерционное целеполагание развития территорий за Уралом, как будто списанное с материалов съездов КПСС. Например, в докладе, обобщившем результаты Второго азиатско-тихоокеанского форума, состоявшегося в октябре 2012 г. и организованного Российским советом по международным делам и Российским центром исследований АТЭС, было заявлено буквально следующее: «В среднесрочной перспективе (2–4 года) участники Форума считают возможным и целесообразным... разработать и ввести для Сибири и Дальнего Востока налогово-инвестиционный режим, который позволил бы в ускоренном порядке подтягивать азиатскую часть страны к уровню развития ее европейских территорий» (курсив мой. — А. Ч.) [Азиатско-Тихоокеанские ориентиры России 2013: 14].

¹⁵Количество транзитных судов на Севморпути выросло с нуля в 2009 году до 71 в 2013–м (Нильсен Т. Споры вокруг арктического судоходства накаляются // BarentsObserver. 2014. 21 января [Электронный ресурс]. URL: <http://barentsobserver.com/ru/arktika/2014/01/spory-vokrug-arkticheskogo-sudohodstva-nakalyayutsya-21-01>).

¹⁶Также широко известен интерес, который проявляют в Китае к возможностям, таящимся на Шпицбергене, в Исландии и Гренландии. На XVIII съезде КПК было объявлено о том, что КНР является великой морской державой. В декабре 2013 года в Шанхае открылся Китайско-Севроевропейский центр арктических исследований, в котором сотрудничают специалисты из Норвегии, Финляндии, Исландии, Дании, Швеции и КНР.

¹⁷При участии структур РЖД осуществляются регулярные (три–четыре раза в неделю) рейсы контейнерных поездов из Чунцина в Дуйсбург, из Чэнду в Дуйсбург и далее Гросберен (Бранденбург), из Чжэнчжоу (Хэнань) в Гамбург, а также из Чэнду в Лодзь.

¹⁸Транссибирская магистраль: основы привлекательности [интервью с генеральным секретарем международной ассоциации «Координационный совет по транссибирским перевозкам» Геннадием Бессоновым] // РЖД — Партнер. 2014. № 5. 16 марта. С. 48–49.

¹⁹Мост Нижнеленинское — Тунцзян является частью проекта формирования горно-металлургического кластера в Приамурье. В среднесрочной перспективе он повысит конкурентоспособность предприятий Амурской области и ЕАО на рынках Северо-Восточного Китая. Прежде всего речь идет об экспорте железорудного концентрата с формирующегося Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината. Мост планируется ввести в эксплуатацию в декабре 2016 года. Вместе с тем, выдвигаются убедительные аргументы против экспорта железорудного концентрата в Китай [см.: Жирнов 2013].

В утвержденной в марте 2013 г. государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» констатируется, что «продолжающееся снижение численности населения макрорегиона делает эту часть России уязвимой в геополитическом плане. Огромный размер восточных территорий вкупе с низкой плотностью населения, а также наличие богатых минерально-сырьевых ресурсов и других потенциальных возможностей создают системное напряжение, особенно с точки зрения международной конкуренции за неосвоенные пространства». При реализации одного из сценариев развития, заложенных в программу, — форсированного — совокупная численность населения макрорегиона в 2025 г. может составить 12,4 млн. человек, увеличившись на 1,6 млн. человек, или на 15 процентов по сравнению с 2011 годом. Предполагается содействие в переселении и успешной адаптации граждан, в том числе трудоспособного возраста, из районов с экстремальными и сложными природно-климатическими условиями в так называемые зоны опережающего роста и геополитически важные приграничные районы.

Упомянутое в документе «системное напряжение» восходит к архаичной концепции *terra nullius*. В первом толковании эта концепция распространялась на любые земли, которые не контролировались ни одним из признанных европейских государств. Это относилось и к большей части земель на востоке современной России до тех пор, пока на них не предъявила своих прав Российская империя. Во втором толковании — на территории, на которых не было земель, принадлежащих кому-либо, кто владел бы ими на законном основании. Для того чтобы те или иные государства имели право установить свой суверенитет над такими землями и удерживать других от

попыток завладеть ими, там должны постоянно проживать и работать на эти государства люди [Хилл, Гэдди 2007: 81–84]²⁰. Имея в виду технические характеристики современных средств контроля, весьма затруднительно смоделировать ситуацию, в которой России будут предъявлены территориальные претензии, например, со стороны Китая, базирующиеся на международно-правовой доктрине, окончательно сложившейся в 20–40-х годах XIX века. Впрочем, приходится констатировать, что сегодня даже государственная граница с КНР остается «укомплектованной» архаичной контрольно-следовой полосой, электросигнализационными системами, наблюдательными вышками и скрытыми постами, а реализация ФЦП «Государственная граница РФ (2003–2010)», во всяком случае, на Дальнем Востоке, потерпела фиаско [Киреев 2011: 323–326].

Современные структуры расселения и производства на Дальнем Востоке были заданы в те времена, когда понятие эффективность не имело смысла. Организация производства и рост населения на этих холодных и удаленных территориях обеспечивались либо путем государственного насилиия, либо через инвестиции десятков миллиардов советских нефтерублей. В 1960–1970-х годах треть государственных инвестиций шла на развитие Сибири и Дальнего Востока [Вашук 1998: 155]. Их гиперфинансирование (наряду с реципиентами принципиально иного типа) в течение десятилетий осуществлялось на фоне хронического недофинансирования европейской части России. Поддержание на этих территориях средних по стране социальных стандартов требовало кратного увеличения бюджетных расходов. И тем не менее несознательное «население», когда получало такую возможность, стремилось покидать непригодные для жизни места и перемещаться южнее и западнее.

²⁰Книга Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди содержит чрезвычайно интересные и, надеюсь, плодотворные подходы к проблеме сосуществования людей и холода. Ее издатель в России А.Д. Богатуров в предисловии констатирует: «Наших собственных речей и писаний до сих пор недостаточно, чтобы заставить власть развернуть по-настоящему рациональную, современную, социально и государственно ориентированную политику в отношении сибиряков и Сибири» (с. 7).

В оригинальном исследовании Татьяны Михайловой, проведенном в Университете штата Пенсильвания, была сделана попытка смоделировать, как выглядела бы Россия, если советской системы централизованного планирования не было вообще. Она констатирует, что «восточная часть страны заметно перенаселена по сравнению с гипотетическим рыночным размещением, в то время как западная часть страдает от относительного дефицита населения» [Хилл, Гэдди 2007: 69].

И сегодня государство стоит перед фактически неразрешимой проблемой поддержания функционирования поселений там или в тех масштабах, где или в каких масштабах таковых быть не должно. Но они есть. И чем больше тратится средств на удержание людей в малопригодных для жизни условиях, тем меньше их остается для инвестиций в другие, более перспективные, проекты. При этом стимулирование переселения в относительно благоприятные районы не обязательно и не сразу облегчает тяжесть расходов по содержанию фактически умирающих городов и поселков — особенности инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства нередко таковы, что расход энергоресурсов невозможно существенно уменьшить.

В настоящее время Министерством РФ по развитию Дальнего Востока разработан проект федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития». Предполагается, что на них будет введен особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности (в частности, некий особый режим землепользования, льготные ставки арендной платы, льготное подключение к объектам инфраструктуры, применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны, предоставление государственных услуг, облегченный регламент привле-

чения квалифицированного иностранного персонала и другие преференции). Эксперты министерства определили 23 таких территории в девяти субъектах Федерации. Из официальных материалов не ясно, в какой степени представители регионов и частного бизнеса имели возможность влиять на этот выбор.

Декларируемые приоритеты федерального финансирования дают основание предположить, что российское руководство постепенно преодолевает наследие советского планового мышления, в основе которого лежала известная формула «Текёт вода Кубань реки куда велят большевики»²¹. Так, на совещании о развитии Дальнего Востока, состоявшемся в Правительстве РФ 20 марта 2014 года, Д.А. Медведев заявил: «Ускоренное развитие Дальнего Востока у нас везде проходит как национальный приоритет. Деньги на это выделяются, по условиям текущей экономической жизни весьма значительные. Прежде всего это деньги, которые предполагаются на развитие транспортной системы»²². Как представляется, бюджетные инвестиции на Дальнем Востоке должны направляться в первую очередь на обеспечение внутрирегиональной связанности, надежное и комфортное соединение Амурской области, Хабаровского и Приморского краев между собой и с другими региональными центрами. Это откроет или расширит возможности для применения частной инициативы в условиях, когда огромные расстояния и низкие температуры оказывают постоянное угнетающее воздействие на конкурентоспособность местного бизнеса. Имея в виду, что каждый четвертый житель Дальнего Востока проживает в труднодоступных, отстоящих друг от друга на большие расстояния локальных поселениях, не связанных с Большой землей [Синтез научно-технических и эконо-

²¹ Данная инвектива, конечно, не означает, что в старой России не принималось волюнтаристских решений, судьбоносных для Дальнего Востока, — чего стоит одно только строительство КВЖД за пределами национальной территории. Но лишь советская власть возвела волюнтаризм в ранг главного принципа государственного планирования.

²² Совещание о развитии Дальнего Востока, 20 марта 2014 года // Интернет-портал Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/11227>

мических прогнозов 2011: 161], важным элементом упомянутой связанности является и тотальный доступ к Интернету, позволяющий ослабить гнетущее ощущение оторванности от мира.

В весьма содержательном докладе на научно-практической конференции в Комсомольске-на-Амуре в 2011 г. заведующий кафедрой Хабаровской государственной академии экономики и права А.Ю. Завалишин сформулировал вопрос: почему люди стремятся покинуть Дальний Восток, будучи готовыми переселиться даже в те регионы Центрального федерального округа, для которых характерны очевидно более низкие показатели социально-экономического развития, чем у дальневосточных регионов? Одну из ключевых причин он видит в том «образе жизненного пространства, который сложился в дальневосточном обществе... Этот образ можно выразить одним словом – периферия. Ощущение периферийности бытия, “задвинутости” на “задворки” государства как раз и порождает эту самую дальневосточную депривацию, которая, возможно, еще более усиливается нашим соседством с мировыми экономическими и культурными гигантами – Японией и Китаем» [Завалишин 2011: 236–237]. Остается только согласиться с выводами автора в том, что нужно последовательно и систематически ломать стереотип дальневосточников о сугубой периферийности территории их проживания. Центр там, где я, а не там, где начальник, какой бы важный он ни был. Нужно выявлять и пропагандировать преимущества дальневосточных регионов России над западными в климатическом и экологическом отношении, в фантастическом богатстве и красоте здешней природы. Необходимо восстановить уроки краеведения, уроки истории родного края, фактические свернутые в начале 2000-х годов из-за опасе-

ний сепаратистских настроений. Следует обеспечивать доступность поездок не только в европейскую Россию, но и в соседние регионы Дальнего Востока. Наконец, немалая часть российских граждан всё еще склонна к этатизму, доходящему подчас до государstoffилии. И поэтому формированию позитивного образа жизненного пространства – наряду со сказанным чуть выше – будет способствовать и обсуждаемый перевод сюда офисов некоторых крупных госкомпаний и федеральных ведомств. Наличие в Хабаровске и Владивостоке фрагментов «самой Москвы» поспособствует преодолению восприятия окружающих реалий как отдаленной периферии. В этом смысле известный слоган «Хабаровск – седьмая столица» ориентирует общественное сознание в правильном направлении.

В заявлении для прессы после октябрьского (2013 г.) саммита АТЭС В.В. Путин провозгласил курс на «сближение стран АТР в чисто человеческом измерении». Россия присоединилась к безвизовым картам АТЭС для предпринимателей, что несколько облегчит их пребывание в регионе. Впрочем, для дальневосточного бизнеса поездка в Китай и далее на юг уже давно банальность. Это же можно сказать и о «рядовых гражданах», многие из которых регулярно ездят в Китай за покупками, отдохнуть и на лечение. Появилась даже информация о локальном «исходе» в Китай пенсионеров²³.

Практически в каждом вузе Дальнего Востока и в очень многих вузах собственно Сибири идет преподавание китайского. Качество преподавания нередко оставляет желать лучшего, но дальнейшие поездки в Китай помогают восполнять пробелы. Некоторые московские китаисты полагают, что уже имеет место перепроизводство выпускников вузов, овладевших основами китайского языка и способных худо-бедно

²³Наши пенсионеры переезжают на ПМЖ в Китай // Аргументы недели. 2013. 18 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://argumenti.ru/talks/n419/306293>; В приграничных китайских городах расцвела российская «курортно-лечебная экономика» («Xinhuanet», Китай) // ino.CMII.ru. 2014. 15 января [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20140115/216524279.html#ixzz2sKH5mунE>

использовать его как инструмент общения. И даже если эта точка зрения – преувеличение, нынешний ажиотаж вокруг преподавания/изучения китайского должен привести к насыщению соответствующего сегмента российского рынка труда. Пока конкуренция здесь ослабляется ощутимой миграцией в Китай, преследующей цель не только попрактиковаться в языке и стране, но и попробовать своими знаниями заработать на безбедную жизнь²⁴. Впрочем, в КНР не так уж много городов, где русские (даже провинциалы) готовы поселиться надолго. И хотя бытовая цивилизация в Китае прогрессирует, уровень доходов «лаоваев» за пределами избранных мест вряд ли устроит молодых людей из России.

Относительно массовая миграция образованных русских в Китай не является утечкой мозгов в традиционном для современной России понимании. В силу очевидной ментальной пропасти с китайцами у большинства русских «лаоваев» не возникает желания укорениться в Китае, хотя очень многие готовы жить там неопределенно долго. Именно эти тысячи, а в перспективе десятки тысяч русских, чувствующих себя в Китае как рыба в воде, являются «залогом» будущего широкого экономического сотрудничества России и КНР на уровне среднего бизнеса. Иначе говоря, того сегмента, который в нынешних российско-китайских отношениях практически отсутствует, но который мог бы стать постоянным фактором, стимулирующим экономическую активность в Сибири и на Дальнем Востоке.

З

«Новый колониализм» и диспропорциональность развития приграничных территорий. В статье «Россия и меняющийся мир»

В.В. Путин обозначил необходимость, «сопрягая технологические и производственные возможности наших стран», задействовать «китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока»²⁵. Целый комплекс исторических, демографических и актуально-политических обстоятельств обуславливает имеющую место диспропорциональность развития приграничных районов дальневосточных регионов России и приграничных регионов КНР.

Пожалуй, уже с середины 2000-х годов в российском истеблишменте никто всерьез не рассматривает дальневосточные регионы как потенциальный источник сепаратизма. Однако фактическое распределение полномочий в принятии решений между Центром и субъектами Федерации адекватно роли Дальнего Востока исключительно как военно-политического форпоста. С учреждением Министерства РФ по развитию Дальнего Востока федеральная власть лишь приближается к территории – централистский подход остается неизменным.

Сложившаяся в 2000-х годах в России «вертикаль власти» предполагает определенное единообразие субъектов подчинения. По отношению к ним имеет место своего рода новый колониализм – причем как со стороны федерального центра, так и со стороны госкомпаний. Н.В. Зубаревич констатирует, что «Роснефть» получила льготы по федеральному налогу (НДПИ) для развития нефтедобычи в Восточной Сибири. Но помимо этого компании предоставлены льготы и по основным налогам, поступающим в бюджет региона. В результате, например, «в Красноярском крае объем добычи “Роснефти” вырос за несколько лет почти с нуля до 18 млн тонн, а поступления налогов от этой дея-

²⁴Согласно исследованию, проведенному Д.Н. Чикетаевой в рамках подготовки квалификационной работы, защищенной в Забайкальском университете, 45% опрошенных студентов этого университета (49% студентов языковых и 41% студентов неязыковых специальностей) считают, что проживание и работа в Китае для российских граждан – хороший вариант для карьерного роста и достижения комфортной жизни [Гурулева, Макаров 2013: 155].

²⁵Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.htm>

тельности составляют в год миллиарда два рубля, что неощутимо для бюджета. При этом объем поступлений налога на прибыль в крае за 2010–2012 годы сократился с 70,5 до 52,5 млрд рублей, а за 2013 год не дотянет и до 40 миллиардов. “Роснефть” богатеет, расширяя добычу нефти и ее продажи в Китай, а регион хиреет... Конкурентные преимущества обеспеченности природными ресурсами использовать надо, но сырьевая экономика не создает значительного числа новых рабочих мест, основной результат ее развития для региона – рост налоговых доходов. Если этого не происходит длительное время, политику компаний можно считать колониальной. Участие нефтяного бизнеса в финансировании Сибирского федерального университета дело хорошее, но не вместо выплаты налогов»²⁶.

Применительно к Дальнему Востоку уместно говорить и о фактическом отсутствии федеральной политики развития приграничного сотрудничества. Прежде всего об этом свидетельствуют зияющие пустоты в законодательстве. Так, законопроект «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» принят Государственной Думой в первом чтении в 2010 году, перспективы его дальнейшего прохождения неясны и борьба вокруг него продолжается. Требуется обновления и принятая в 2001 г. Концепция приграничного сотрудничества. Наряду с этим, как отмечает автор капитальной монографии, посвященной пограничной проблематике, А.А.Киреев, имеется «достаточно обширный пласт соглашений и внутренних правовых актов, регламентирующих вопросы трансграничного сотрудничества региональных и местных властей», куда входят десятки прямых договоренностей, достигнутых между городами, районами, областями и краями российского Дальнего Востока и городами, округами, уездами и провинциями Китая. Оценивая эту совокупность актов,

он квалифицирует их как ограничивающих в той или иной форме национально-государственный суверенитет [Киреев 2011: 396]. Показательно, что в готовящемся в соответствии с упомянутой выше госпрограммой объемистом проекте ФЗ «О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона» приграничные территории упомянуты лишь дважды: предполагаются отмена таможенных пошлин для предприятий и организаций на территории приграничных районов при реализации инвестиционных проектов, а также возможность создания приграничных особых экономических зон.

В соседнем Китае правовая база развития приграничных территорий разработана в деталях. Реализуются и многочисленные программы, например, Программа возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая, План развития туризма Северо-Восточного региона КНР на 2010–2015 годы и др. С 2006 г. ведется работа по координации нормативно-законодательной базы провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин. На границе с Россией зоны приграничного экономического сотрудничества открыты в городах Маньчжурия, Хэйхэ, Суйфэньхэ, Хуньчунь. В 2009 г. главами государств была подписана Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009–2018 годы, реализация которой очевидно буксует. Впрочем, последнее обстоятельство, возможно, не является негативным, так как эта программа задавала будущему трансграничному сотрудничеству Дальнего Востока с сопредельными территориями определенно экспортно-сырьевой вектор.

Состоявшийся в ноябре 2013 г. 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва внес коррективы в приграничную политику Китая, акцентировав внимание на так называемых боль-

²⁶Зубаревич Н.В. Ржавые скрепы сверхцентрализации // Эксперт. 2014. № 3. С. 43 [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2014/03/rzhavie-skrepki-verhtsentralizatsii/>

ших пограничных районах²⁷. Согласно Е.Н. Грачикову, под таковыми понимается «внешнее пространство высшей концентрации национальных интересов государства. С экономической точки зрения, они являются источником большей части внешней торговли, заимствования технологий и притока капитала. С политической точки зрения, в “больших приграничных районах” Китай имеет традиционное влияние и исключительное преимущество в политической, экономической и культурной областях. “Большие приграничные районы” – это не только главная площадка, где Китай играет роль великой державы, но также стратегическая опора движения в мир. С точки зрения обеспечения безопасности, главные проблемы внешней безопасности Китая также концентрируются в этих районах» [Научная конференция Центра политических исследований и прогнозов 2014].

Не переходя черту, за которой начинаются домыслы, ограничимся мнением иркутского предпринимателя Андрея Савинова, чей бизнес связан с поставками стройматериалов. Главный тормоз в русско-китайском партнерстве он видит в закрытости Китая для иностранного бизнеса: «То есть челноки, мелкий бизнес, еще могут работать напрямую. А мы уже там ни к чему. Все улыбаются, говорят о сотрудничестве-дружбе, а на самом деле нереально иностранцу открыть бизнес в Китае так, как это может сделать китаец у нас. Европейские заказчики жалуются на то же самое. Мы стоим у порожка страны и работаем через фирмы-посредники. Ни цента лишнего иностранцам Китай не дает»²⁸.

Диспаритет в возможностях китайского бизнеса в России и российского бизнеса в

Китае очевиден, но на официальном уровне проблемы как бы не существует. Весьма показательны данные по китайской провинции Цзилинь. На начало 2012 г. цзилиньскими предпринимателями было открыто в РФ 83 предприятия с общей суммой инвестиций 621 млн. долл. Основными сферами приложения капитала являются добыча полезных ископаемых, лесная промышленность, комплексное развитие сельского хозяйства, портовое хозяйство, аквакультура, производство стройматериалов. Все эти проекты сопровождаются не только инвестированием капитала в российскую экономику, но и способствуют трудоустройству цзилиньских рабочих и крестьян, а также экспорту промышленной и сельскохозяйственной продукции, которую используют при выполнении работ по контракту. Российские же инвестиции в Цзилине крайне скромны: их объем на 2012 год составил порядка 6,4 млн. долл., или 1/100 цзилиньских инвестиций в Россию [Александрова 2013: 84–85]. По мнению А.А. Киреева, основной причиной такого дисбаланса является «прямая незаинтересованность китайских властей и бизнеса в содействии России в развитии в дальневосточном регионе обрабатывающей промышленности» [Киреев 2011: 391–392].

4

Очевидно, перспективным для развития восточных регионов является *углубление сотрудничества с Южной Кореей*. Пока в активе немного – прежде всего, успешная реализация пилотного проекта соединения Транскорейской железной дороги с Транс-Сибирью²⁹. Обнадеживает (в том числе исходя из интересов ряда предприятий Дальнего

²⁷Пленум также существенно усилил социальную составляющую внутренней политики, в систему оценок эффективности местных руководителей вносятся изменения. По сообщению агентства «Синьхуа», орготдел ЦК КПК разослал циркуляр, в соответствии с которым кадровым работникам следует меньше гнаться за экономическим ростом и сосредоточить свое внимание на благосостоянии народа и охране окружающей среды. См. подр.: Китай отказывается от оценки работы чиновников по росту ВРП // Синьхуа. 2013. 10 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8480178.html>

²⁸Чернова М. Сделано в Китае // Русская планета. Иркутск. 2014. 29 января [Электронный ресурс]. URL: http://irkutsk.rusplt.ru/index/osobennosti_torgovli_s_kitaem-7707.html

²⁹Завершение ОАО «РЖД» реконструкции железнодорожного участка Хасан – Раджин (КНДР), а также модернизация третьего пирса порта Раджин.

Востока) и российско-корейское сотрудничество по созданию корейской ракеты-носителя (KSLV) и наземной инфраструктуры базы космических запусков «Наро»³⁰. На базе Дальневосточного завода «Звезда» (г. Большой Камень) создается судостроительный комплекс, на котором будут производиться суда и платформы для добычи и транспортировки нефти и газа. Акционером новой «Звезды», помимо «Роснефти» и Газпромбанка, станет южнокорейская компания «Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering», которая и будет строить первые газовозы для новых российских СПГ-производств³¹.

Имея в виду, что для регионов Сибири и Дальнего Востока дефицит квалифицированной рабочей силы является константой, стратегическое значение обретают те направления сотрудничества и конкретные проекты, реализация которых позволяет имплантировать в восточные регионы современные малолюдные технологии. Для движения в этом направлении сотрудничество с Южной Кореей очевидно перспективнее, чем с КНР. Это может быть, в частности, сотрудничество в аграрно-промышленной сфере³², позволяющее в перспективе сократить зависимость восточных регионов от импорта и дорогостоящего завоза из европейской части России. В настоящее время корейские инвестиции в регионах Дальнего Востока, помимо сельского хозяйства, идут в лесоразработку, гостиничный бизнес и автосборку.

Актуальная проблема для Дальнего Востока и Сибири в целом, а также для других крупных стран АТР – внедрение телемедицины и иных технологий дистанционного диагностирования. В одном проекте соединяются приборы медицинской

диагностики, системы космической связи, наземные и воздушные средства перевозки пациентов и медицинского персонала. В этой сфере очевидны перспективы для результативного российско-корейского сотрудничества – при условии активного взаимодействия медицинских кадров и медицинской инфраструктуры, имеющихся в Сибири и на Дальнем Востоке.

Открытость России способствует постепенному преодолению негативного образа Сибири. Она перестает быть пугалом и символом нечеловеческих условий жизни, обретает репутацию модного и относительно комфортного места отдыха. Сибирь уже обладает несколькими туристическими мегабрендами – Байкал, Алтай, Камчатка. Большой потенциал имеют Енисей, Лена, Амур, Бурятия, исторические центры Иркутска, Томска, Тобольска, Барнаула, других старых сибирских городов. Несколько сибирских «объектов» признаны ЮНЕСКО местами всемирного наследия: уже упомянутые Байкал и вулканы Камчатки, три участка Алтайских гор («Золотые горы Алтая» – Алтайский и Катунский заповедники и плоскогорье Укок), плато Путорана, природный парк «Ленские столбы», центральная часть горной страны Сихотелинь, а также остров Врангеля.

Рекреационный потенциал Сибири безграничен, но требует инвестиций и современной организации, в том числе – разумной политики брендинга территорий и населенных пунктов³³. Достаточно популярна установка, согласно которой государство должно способствовать туристическим поездкам в Москву, Петербург и другие исторические города в европейской части России школьников из Сибири и Дальнего Востока, а также из Кали-

³⁰Первый успешный запуск ракеты-носителя KSLV-1 состоялся 30 января 2013 года.

³¹«Ключ к глобальному лидерству лежит на востоке» [Интервью с вице-президентом по экономике и финансам «Роснефти» Святославом Славинским] // Эксперт. 2014. № 14. С. 38 [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2014/14/klyuch-k-globalnomu-liderstvu-lezhit-na-vostoke/>

³²Производство и переработка сельхозпродукции, расширения сети зерновых терминалов, производство продуктов питания. Стоит отметить участие компании «Hyundai Heavy Industries» в реализации проекта по производству в России сельскохозяйственных продуктов. Южнокорейский инвестор на практике показывает, что модернизация аграрной отрасли возможна при ограниченных, но квалифицированных трудовых затратах.

³³Некоторые соображения на сей счет см.: [Гурулева 2013].

нинграда. Но не менее важно и обратное. Многие, слишком многие российские дети и молодые люди даже не подозревают, сколь многочисленны и разнообразны must-see в их собственной стране и что путешествовать по ней не менее увлекательно, чем по далеким экзотическим странам. Сегодня нередки призовые поездки для школьников, победивших в той или иной олимпиаде или в конкурсе, куда-нибудь в Лондон или Рим, и это еще в лучшем случае. Но почему не в Сихотелин и не на плато Путорана?

Знакомство молодых граждан России со своей необъятной страной – задача государственной важности. Национальная программа детского экологического туризма способствовала бы воспитанию патриотизма гораздо результативнее, чем разноформатные пропагандистские кампания, адресуемые ныне подрастающему поколению. Заодно и профессиональные экологи будут готовить себе смену не на политических демонстрациях. За государственными органами – инициатива, льготы, сертификация маршрутов, стандартизация быта и реклама. Если родители будут спокойны за своих детей, часть платежеспособного спроса на активный отдых обязательно уйдет в Сибирь и на Дальний Восток.

Такая программа потянет за собой и расширение географии «въездного туризма». Сегодня он фокусируется вокруг трех упомянутых мегабрендов. Путешествия на Алтай, на Байкал, на Камчатку убеждают иностранных гостей, что *Сибирь является воплощением российского варианта европейской культуры* и, несмотря на умножение человеческого взаимодействия с Китаем, почти не воспринимает китайские практики жизни. Да и сами китайцы однозначно идентифицируют российскую, в том числе сибирскую, культуру как часть европейской. Столетие назад П.П. Семенов-Тянь-Шанский именовал этот феномен евро-

пейской Азией. И потому в дальнейшем развитии глобального туристического потенциала Сибири ее оптимальное позиционирование – «Европа в Азии».

В статье В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» поставлена задача «поймать китайский ветер в паруса российской экономики». Весной 2013 г. «Роснефть» договорилась с CNPC о дополнительных поставках нефти – 360 млн. т в течение 25 лет. Кроме того, в октябре 2013 года «Роснефть» и китайская Sinopet договорились о ежегодных поставках в Китай 10 млн. т нефти в течение 10 лет. Эту цепочку обязательств начали ковать в 2009 году, когда было заключено соглашение, по которому «Роснефть» и «Транснефть» получили от Банка развития Китая 20-летние кредиты на 15 млрд. и 10 млрд. долларов соответственно под поставку CNPC до 2030 г. 300 млн. т сибирской нефти (по 15 млн. т в год). Эти соглашения обязывают Россию двигаться сонаправленно Китаю.

Представляется уместным соображение, высказанное одним из немногих квалифицированных российских журналистов-международников Александром Габуевым: «Сырьевой разворот в сторону Китая требует не только диверсификации контактов в Азии для хеджирования рисков, но и возобновления более тесных отношений с Европой»³⁴.

Диверсификация на азиатском направлении ассоциируется, в первую очередь, с таким эксклюзивным форматом, как Восточноазиатское сообщество, подключение к которому России пока не имело никаких результатов. Возможно, у нашей страны просто не хватает квалифицированных кадров, чтобы играть на нескольких досках одновременно.

Что же касается европейского направления, то не следует забывать, что, несмотря на подростковые перверсии «Минкультула»³⁵, Россия является страной евро-

³⁴Габуев А. Работа над успехами. Куда повернется российская внешняя политика // Коммерсант. 2014. 13 января [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/2380599>

³⁵Минкульт: Краеугольным камнем основ государственной культурной политики должен стать тезис «Россия не Европа» // Независимая газета. 2014. 4 апреля [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2014-04-04/2_cultura.html

пейской культуры (а не мифической евразийской) и «поворот на Восток» был способом хеджирования рисков на Западе.

Но должно быть верно и обратное.

Что сегодня принято именовать Европой, парадоксальным образом сведенной до «Запада»? На этот вопрос лапидарно отвечает Ф.А. Лукьянов: «Приток людей другой культуры, иммигрантов и попытки сосуществовать с ними на основе уважения прежде всего их прав, а не прав большинства коренного населения – это и есть нынешняя Европа. Но рано или поздно маятник качнется в противоположную сторону, в более консервативную и национально ориентированную. И, возможно, тогда Россия будет более совместима с той, новой Европой, чем с нынешней»³⁶.

В 2007 г. А.Д. Богатуров был гораздо пессимистичнее, не уставая при этом напоминать, что Европа не тождественна Евросоюзу³⁷, которому уже «пора присоединиться к ОИК»: «Перспектива вступления Турции в ЕС, грядущее поглощение объединяющейся Европой “балканского подбрюшья” с его исламскими анклавами, неостановимый приток иммигрантов из мусульманских стран Африки и Азии делают процесс исламизации европейских государств необратимым. Закономерность, историческое воздаяние и культурный парадокс: ЕС, в который хотели попасть российские граждане в начале 1990-х годов, современный Евросоюз и тот,

каким он будет через 10–15 лет, – это три разных Евросоюза. Неодинаковых по культуре, образу жизни и политике. Как долго Париж, Берлин и Лондон будут по инерции вызывать у россиян жажду приобщиться к европейским ценностям и как скоро россияне станут пробирать дрожь от соприкосновения в странах ЕС с «Азией в европейском обличье»? И уж совсем любопытно – родственнее или отчужденнее станут отношения России с ЕС, когда его генокод совсем «обyslамится»?» [Богатуров 2007].

Далеко не всё, что происходит в современной Европе, является воплощением европейских ценностей. Имеет место навязывание обществу и каждому человеку эмансипации не только от внешнего принуждения, но от тех, если угодно, богдыханных ролевых моделей, которые вшиты в структуру человеческой личности. Это породило консервативную реакцию, волна которой поднимается всё выше. Читатель, в отличие от автора статьи, уже знает итоги выборов в Европарламент, состоявшихся в мае 2014 года. Разворачиваясь на Восток, следует иметь в виду этот новый тренд на Западе.

Сегодня никто не сможет аргументированно утверждать, что и через десять, и через двадцать лет Китай останется союзником России, не изменит традиционному принципу не экспансировать за пределы своих исторических границ, не проведет

³⁶«Если на юго-востоке Украины начнутся серьезные беспорядки, Россия будет вынуждена вмешаться» [Интервью с Ф.А. Лукьяновым] // Znak.com. 2014. 25 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://znak.com/moscow/articles/25-03-19-38/102126.html>

³⁷«Мы имеем дело с негласной конкуренцией за европейскую идею – за ее более расширительное или ограниченное понимание. Когда евросоюзовцы говорят, что они – Европа, это мне понятно. Но что творится в русском дискурсе? Словосочетание “Россия и Европа” считается нормальным, оно звучит во всех новостях за вечер десятки лет. И среди сотрудников структур, имеющих отношение к формированию политики, эта глупость звучит. Мы забыли, что можно говорить “зарубежная Европа”. Мы как на себя смотрим? Каков наш взгляд, каковы наши представления о себе самих? Для меня, например, Россия – это Россия прежде всего, но это также и Европа, по крайней мере мы в этом убеждали весь мир и самих себя 300 последних лет. А говоря “Россия и Европа”, мы тем самым работаем на их идеологию: Европа – это только та Европа, которая нас слушается, которой мы, Брюссель, столица. Ясно, что это никакого отношения не имеет к реальности, к географии или экономике» [Богатуров 2008, 23 сентября]. В этой связи весьма показательны споры о немецкой идентичности, спровоцированные недавними событиями на Украине и в Крыму (см.: *Hoffmann, Christiane. How Western Is Germany? Russia Crisis Spurs Identity Conflict* // Spiegel Online International. April 09, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/conflict-with-russia-raises-buried-questions-of-german-identity-a-963014.html>).

открытую ревизию знаменитых 28-ми иероглифов Дэн Сяопина³⁸.

В таком контексте показательны декларируемые новым руководством Китая планы евроазиатской интеграции, которые вряд ли могут быть реализованы без расширения военно-стратегической ответственности КНР как в западном, так и в юго-восточном направлениях. 25 октября 2013 г. агентство Синьхуа опубликовало комментарий, в котором, в частности, характеризуется евроазиатская интеграция по-китайски: «С начала этого года внешняя политика китайских лидеров ускоренно формирует динамичную сопредельную экономическую зону от замыслов «экономического пояса Великого шелкового пути», проходящего через внутренние районы Евразии с населением свыше 3 млрд. человек, до инициатив по совместному с АСЕАН созданию «морского шелкового пути» XXI века; от продвижения строительства экономического коридора Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, соединяющего Восточную и Южную Азию, до планирования образованного скоростной железной дорогой Китай – АСЕАН «золотого коридора», который сможет соединить Юго-Западный Китай с Юго-Восточной Азией». Заключается комментарий обещанием: «Большая дипломатия Китая в отношении сопредель-

ных государств будет непрерывно осваивать новые сферы и приобретать всё более важное глобальное значение»³⁹.

В контексте провозглашенного проекта Экономического пояса Великого шелкового пути в китайских СМИ появились скептические комментарии относительно масштабов российского проекта Евразийского экономического союза. Имеют место и публичные рекомендации вероятным кандидатам – принуждение к партнерству на китайский манер⁴⁰. Так, в конце октября 2014 г. вице-президент Китайского института международных проблем Жуань Цзунцэ в публичной лекции в Бишкеке не рекомендовал Киргизии вступать в Таможенный союз⁴¹. Местные власти мгновенно взяли под козырек: тогдашний премьер Жанторо Сатыбалдиев заявил, что Бишкек не будет спешить с решением о вхождении в ТС⁴².

25 октября на проходившей в Пекине конференции по вопросам дипломатии были сформулированы несколько тезисов, нацеливающих на всемерное развитие добрососедства с сопредельными странами. В частности, Си Цзиньпин заявил, что «базовой установкой дипломатии в отношении сопредельных стран является отношение к ним как к друзьям и партнерам, чтобы дать им ощущение безопасности и помочь их развитию»⁴³. Сквозящая в этом

³⁸В 2012 году В.Я. Портяков осторожно предполагал: «Период доминирования заветов Дэн Сяопина, в том числе центрального из них – “держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя” – как руководящего курса практической внешней политики КНР постепенно завершается» [Портяков 2012: 24]. В начале 2014 года он уже уверенно констатирует, что при новом руководстве страны какие-либо упоминания о заветах Дэн Сяопина полностью прекратились – «Китай, в противоположность главному завету Дэна, окончательно “вышел из тени” и всё более активно проявляет себя во всех регионах мира и сферах международной жизни» [Портяков 2014: 20].

³⁹Комментарий: Китай вносит новшества во внешнюю политику в отношении сопредельных стран // Синьхуа. 2013. 25 октября [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/china/2013-10/26/c_132831774.htm

⁴⁰Термин «принуждение к партнерству» предложен А.Д. Богатуровым для обозначения соответствующего феномена в политике США в Азии, проявившегося с середины 1990-х годов. См.: [Богатуров 2011].

⁴¹Кыргызстану предложили выбрать Шелковый путь вместо Таможенного союза // Вечерний Бишкек. 2013. 28 октября [Электронный ресурс]. URL: http://www.vb.kg/doc/248954_kyrgyzstany_predlozili_vybrat_shelkovyy_pyt_vmesto_tamojennogo_souza.html

⁴²Почему Киргизия не торопится в Таможенный союз // Inforos. 2013. 1 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=36024>

⁴³Си Цзиньпин: Китай будет продвигать дружеские отношения с сопредельными странами // Синьхуа. 2013. 26 октября [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-10/26/content_30409124.htm

обещании неотвратимость должна вызывать у лидеров государств Центральной Азии смешанные чувства. За исключением, возможно, Хамида Карзая, для режима которого китайские планы экономической экспансии могут оказаться спасительными. Комментируя итоги конференции, ведущий казахстанский китаист К.Л. Сыроежкин заметил: «Смушает лишь одно, если цели китайской внешней политики по отношению к сопредельным странам столь благородны, почему вышеупомянутое совещание проходило в режиме строжайшей секретности, а выступление на нем Си Цзиньпина и других участников в полном объеме так и не были опубликованы в китайской прессе. По-видимому, в подходах руководителей «пятого поколения» есть что-то такое, что существенно отличает их от концепции «гармоничного мира», предлагаемой Ху Цзиньтао» [Сыроежкин 2014: 55].

Подытоживая имеющиеся оценки, казахстанский ученый высказал предположение, что «в понимании китайских экспертов концепция формирования «экономического пояса на Шелковом пути» – всего лишь более красивая упаковка не принятой Россией и странами Центральной Азии концепции «создания зоны свободной торговли на просторстве ШОС», а главной ее сутью является создание наиболее благоприятных условий для продвижения китайских товаров, услуг и капиталов в государства Центральной Азии, Россию, государства Ближнего и Среднего Востока, а также в Европу» [Сыроежкин 2014: 61].

Какие усилия будут предприняты Китаем, чтобы провести новый Шелковый путь через регионы, чаще именуемые «дугой нестабильности»? Масштабная экономическая экспансия, не сопровождае-

мая ответственностью за обеспечение безопасности, выглядит, может быть, и логично, но только в соответствии с логикой упомянутых выше 28-ми иероглифов.

Комментарии, которые дают по поводу нового мегапроекта высокопоставленные китайские эксперты, зачастую не проясняют суть дела, а вызывают недоумение. Так, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Фуданьского университета Чжао Хуашен в интервью порталу Российского совета по международным делам заявил: «Проект географически охватывает Центральную Азию, Южную Азию, Западную Азию и Евразию (Sic! – А.Ч.). [...] Если взглянуть на «экономический пояс» в рамках полной картины, будет ясно, что проект – часть общей политики Китая, а не изыски китайской дипломатии. На данный момент экономический пояс «Шелковый путь», скорее, концепция, а не план действий с конкретными целями и дорожными картами. Одним словом, Китай продолжит делать то, чем занимался в последние годы, без фундаментальных отличий. Однако Китай будет энергичнее, изобретательнее и гибче, будет смотреть на мир шире, не зашоренным взглядом»⁴⁴.

Дефицит стратегической ответственности просматривается не только на афганских просторах. Пекинский корреспондент «Шпигеля» Бернанд Занд опубликовал на сайте журнала своего рода призыв к Пекину взять на себя ответственность за ситуацию на Ближнем Востоке: ведь Китай импортирует больше нефти Ближнего Востока, чем любая другая страна в мире. «Времена, когда можно было рассчитывать на американцев при обеспечении безопасности линий поставок Пекина, вскоре закончатся, – констатирует немецкий журналист, – об этом позаботится американский бюд-

⁴⁴Новый Шелковый путь: стратегические интересы России и Китая [Интервью директора Центра по изучению России и Центральной Азии Фуданьского университета Чжао Хуашена] // Сайт Российского совета по международным делам. 2013. 20 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://russianscouncil.ru/inner/?id_4=2883&active_id_13#top. Впрочем, причудливое соположение китайским аналитиком Евразии и Центральной, Южной и Западной Азии может оказаться результатом квазинаучной инфекции, распространяемой из России. Так, во введении к коллективной монографии «Евразия в поисках идентичности» (СПб., 2011) С.П. Глинкина определяет Евразию «в географических границах, соответствующих границам бывшего Советского Союза без стран Балтии, т.е. как постсоветское пространство» (с. 3).

жетный дефицит. Тот, кто хочет стать мировой державой, должен взять ответственность на себя»⁴⁵.

5

По мнению В.Я. Пор-тякова, «Китай еще находится на пути к превращению в державу с всеобъемлющими глобальными функциями, именно поэтому многие конкретные аспекты и параметры его позиционирования в мире в настоящее время еще не поддаются корректному прогнозированию» [Портыков 2014: 19–20]. Соответственно, рефлексия и осмысление процессов, происходящих в Китае, требуют, без преувеличения, титанических усилий. Но приходится констатировать, что эта нечеловеческая тяжесть ложится сегодня на плечи узкого круга китаистов МИДа, чья интеллектуальная свобода стеснена как условиями собственно мидовской иерархии, так и стратегическими установками президентской власти. «Площадки» же профильного академического дискурса – Институт Дальнего Востока, ИМЭМО, Институт США и Канады и некоторые другие – с каждым годом всё менее результативны⁴⁶, будучи подвержены физическому старению и не имея возможности обеспечить приток достаточного числа молодых исследователей необходимого уровня. К тому же институты РАН находятся под угрозой меха-

нической «оптимизации». Что же до мнения китаистов, работающих на бизнес, то оно вообще не учитывается при выработке государственной политики.

Эти, «объективные», тенденции изживания конкурентной среды в китаеведческой аналитике сопрягаются с внутривнутриполитической инерцией антиамериканизма, подталкивающей к прокитайской ориентации. Налицо угроза своего рода капсулирования официального видения Китая, игнорирования тех процессов, происходящих в Китае, которые не укладываются в заданную парадигму. *Иногда возникает впечатление, что результаты анализа предрешиены уже тем обстоятельством, что заказ адресуется тому, а не иному эксперту.*

Отмирание верхнего уровня российской китаистики в сочетании с упомянутым выше «экспортом» в Китай русских «лаоваев» дают основание для категорического вывода: необходимо увеличивать количество бюджетных мест в российских вузах с обучением китайскому языку, даже если не все выпускники будут находить работу на Родине.

Имея в виду, что овладение восточными языками⁴⁷ до уровня, на котором их можно преподавать, требует существенно (иногда многократно) большего расхода времени, сил и здоровья, чем овладение западными языками, необходимо существенное (по

⁴⁵Zand, Bernhard. China und der Nahe Osten: Die widerstrebende Weltmacht // Spiegel Online. 2013. 12 October [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/china-importiert-mehr-oel-aus-ores-als-usa-a-927499.html> Интересно, что термин «Шелковый путь» (Seidenstrassen) появился в Германии – он был введен в научный оборот Фердинандом фон Рихтгофеном в классическом труде «Китай» (1877).

⁴⁶Снижение результативности проявляется, например, в зафиксированном В.Я. Портыковым исследователем «россияцентризм»: «Современное российское китаеведение отличается явно выработанным креном на изучение отношений России с Китаем, тогда как другим направлениям внешней политики КНР уделяется меньше внимания, чем следовало бы. К тому же к таким исследованиям частенько к месту и не к месту пристегивается “российский фактор”, и объектом изучения нередко выступают не двусторонние отношения Китая с той или иной страной, а далеко не всегда оправданные, подчас искусственно конструируемые отношения в “треугольниках” в составе Китая, России и какой-либо еще страны или региона. Кроме того, исследователями отношений Китая с большинством зарубежных государств (пожалуй, кроме США) обычно выступают не китаеведы, а специалисты других страноведческих профилей» [Портыков 2013: 107].

⁴⁷Выводя за рамки рассмотрения ситуацию с преподаванием в России японского языка (в знатоках которого нет особого дефицита, и осмысленная перспектива увеличения их количества не просматривается), констатируем, что языки народов Юго-Восточной Азии, а также корейский остаются в России на положении «редких». Непрерывный экономический рост в этом регионе и необходимость хотя бы частичного «уравновешивания» углубляющегося и расширяющегося российско-китайского взаимодействия – требуют и увеличения количества выпускников вузов со знанием корейского и языков стран АСЕАН.

ряду наиболее сложных языков — кратное) увеличение заработной платы в государственных вузах соответствующим образом аттестованным преподавателям восточных языков⁴⁸. Это позволит удержать в вузах наиболее талантливых выпускников, которые ныне находят себе применение преимущественно в сфере бизнеса. Особенно благоприятно такая мера скажется на преподавании восточных языков и изучении соответствующих стран в вузах Дальнего Востока.

Но сегодня остается присоединиться к диагнозу, поставленному авторским коллективом под руководством В.В. Сумского: «Наш “поворот к Азии” пока не подкреплен надлежащей экспертной поддержкой, которая может в недалеком будущем сократиться, в том числе в связи с отсутствием востоковедения в числе приоритетных направлений развития российской науки и образования» [Азиатско-Тихоокеанские ориентиры России 2013: 13]. Если сопоставить современные китайские механизмы рефлексии мировых реалий и согласования интересов в процессе принятия политических решений [Труш 2013] с российскими аналогами, последние, по меньшей мере, недостаточно эшелонированы.

* * *

Эффективность «восточного вектора» российской политики предполагает ее коррекцию, как минимум, в трех принципиальных аспектах.

Во-первых, федеральному Центру не хватает убедительности в преподнесении того, что есть цель, а что — средство. Граждане, проживающие в регионах Дальнего Востока, вряд ли уверены в том, что они — цель, а не ресурс государственной политики. Упомянутая выше госпрограмма «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» содержит довольно прозрачное признание: «Проблема оттока населения тесно связана еще с одним обстоятельством: у значительной части жи-

телей макрорегиона преобладают негативные ожидания относительно своего будущего и будущего территорий, где они проживают. Всё это приводит как к усилению миграционных настроений, так и к ослаблению трудовой мотивации». Соответственно, «население» подозревает, что государство так и не освободилось от советской привычки держать своих граждан за ресурс. Отсюда — постепенная эрозия лояльности, ослабление эмоциональной связи с государством, особенно у молодого поколения.

Во-вторых, ключ к будущему — не в количестве, а в качестве россиян-дальневосточников. Стратегические задачи сохранения устойчивого контроля над дальневосточными территориями и их сбалансированного развития сами по себе не требуют ни многократного роста местной экономики, ни многократного роста внешнеторгового оборота. Допущенное федеральным центром массовое заселение региона среднеазиатскими иммигрантами является зримым свидетельством неразумности и опасности такого искусственного роста. Сетя на отток населения, государство своей миграционной политикой его стимулирует. Рекрутирование же новых граждан из числа «соотечественников» вряд ли способствует устойчивому контролю территорий, ибо мотивы обретения ими российского гражданства достаточно прозрачны, а мобилизационная готовность описывается известной формулой из «Собачьего сердца».

За рассуждениями по поводу невозможности обойтись без труда иммигрантов почти всегда скрывается вполне конкретный интерес. На Дальнем Востоке — более выражено, чем в остальной России — имеет место сокрытие реальных издержек производства, когда администрация и бизнес озабочены поисками такой рабочей силы, которую можно посадить на зарплату, достаточно низкую для того, чтобы сделать соответствующие предприятия прибыльными. Такая паразитическая стратегия есть не что иное,

⁴⁸Соответствовало бы государственным интересам и введение надбавки к должностным окладам за использование восточного языка при работе в федеральных государственных бюджетных учреждениях как на должностях, связанных с переводческой деятельностью, так и на иных должностях.

как управленческая импотенция. Оптимизация государственной миграционной политики на Дальнем Востоке в не меньшей степени, чем всякой иной политики в этом регионе, должна быть направлена на всемерное сокращение нерациональных издержек. И если производственная активность «на северах» всё более и более опирается на «вахтовый метод», то почему этот метод не распространяется на неквалифицированный труд т.н. соотечественников в городах и поселках Дальнего Востока?

Вместе с тем, потребная политика повышения качества коренного населения наталкивается на очевидные объективные ограничители. «Регион фактически не обладает потенциалом для формирования ресурсов труда достаточно высокого качества для изменения структурных и стоимостных характеристик регионального воспроизводства» [Синтез научно-технических и экономических прогнозов 2011: 174]. Эта задача не имеет простого и быстрого решения и требует многолетних усилий, нацеленных на повышение качества жизни дальневосточников, в том числе и качества их самооценки. И не следует забывать, что для широко понимаемой социальной сферы характерен длительный «производственный цикл» — инвестиции в нее имеют длительный временной лаг окупаемости. Однако и эффект таких инвестиций более надежен и консервативен, чем в отраслях с быстрым производственным циклом.

Наконец, *в-третьих*, «поворот на восток» лучше вести с широко открытыми глазами.

Положение дел в российском востоковедении сегодня примерно таково, как и пятьдесят, и сто лет назад: его успехи достигаются, как правило, не благодаря, а вопреки государству. Востоковедение остается уделом энтузиастов и фанатиков, обреченных соизмерять свою деятельность с начальственным пониманием предмета,

выражаемым анекдотической формулой «Восток — дело тонкое». И если в исторической России и при СССР востоковедение так или иначе подпитывалось и выживало за счет ресурсов военного ведомства, то теперь и этот источник практически пересох.

И всё это — когда, по общему мнению, Азиатско-Тихоокеанский регион становится главной ареной мирового развития.

Находясь на географической и экономической периферии АТР, Россия имеет ограниченные возможности субъектного участия в процессах, происходящих в этом макрорегионе. Более того, для некоторых из них она является объектом. При этом ее экономические интересы на западе Евразии очевидно доминируют над интересами на востоке — товарооборот России и Евросоюза приближается к 450 миллиардам долларов, несмотря на неблагоприятную экономическую и политическую конъюнктуру. Русская культура — такая же антично-христианская, как и все другие европейские культуры, она отличается от любой из них не более, чем, к примеру, португальская от норвежской. Восточный же компонент в ней не больше, чем в культурах Пиренейского полуострова или Балкан. В частности, поэтому «долгосрочной задачей для России становится минимизация разрывов во взаимосвязанном политико-экономическом и социально-культурном пространстве Европы и Восточной Азии» [Воскресенский 2013: XX].

В таких рамках представляется приемлемой ситуация, в которой ни одна из стран — партнеров России, чьи хозяйствующие субъекты участвуют в разработке ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, не обретала доминирующей роли в этой своей ипостаси. Оптимальным было бы выстраивание своего рода «концерта интересов» инвесторов и торговых партнеров — из США, Японии, Южной Кореи и, разумеется, Китая.

Список литературы

Азиатско-Тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке. К итогам Второго азиатско-тихоокеанского форума / [В.В. Сумский (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2013. 32 с. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/asiapacific2.pdf>

- Александрова М.В.* Развитие внешнеэкономической деятельности провинции Цзилинь в период экономических реформ // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 69–87.
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток – Запад – Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н.А. Симонии. М.: Прогресс – Традиция, 2002. С. 109–130. URL: <http://obraforum.ru/pdf/MIROC-sim.pdf>
- Богатуров А.Д.* Российский Дальний Восток в новых геопространственных измерениях Восточной Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10. С. 90–98. URL: <http://obraforum.ru/pdf/004.pdf>
- Богатуров А.Д.* Зачем разрушать Сербию? // Независимая газета. 2007. 4 декабря. URL: http://www.ng.ru/politics/2007-12-04/3_kartblansh.html
- Богатуров А.Д.* Государство и бизнес в конгломератном обществе // Международные процессы. Том 6. № 1 (16). Январь – апрель 2008. С. 102–106. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/012.htm>
- Богатуров А.* Борьба без противоположности // НГ-сценарии. 2008. 23 сентября. URL: http://www.ng.ru/scenario/2008-09-23/11_struggle.html?mright=3
- Богатуров А.Д.* «Принуждение к партнерству» и изьяны неравновесного мира // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. Ноябрь – декабрь. С. 58–71. URL: http://www.mgimo.ru/files/214355/2011-12-14_bogaturov.pdf
- Ващук А.С.* Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 211 с.
- Воскресенский А.Д.* Социальные порядки и пространство мировой политики (историческая эволюция мировой системы) // Полис. 2013. № 2. С. 6–23.
- Восток России: миграция и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с. URL: http://window.edu.ru/resource/350/79350/files/mion_isu_p_30.pdf
- Гурулева Т.Л.* Разработка бренда приграничных территорий в условиях российско-китайского взаимодействия (на примере Забайкальского края) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 127–134.
- Гурулева Т.Л., Макаров А.В.* Организационно-педагогические проблемы подготовки китаеведов в высших учебных заведениях России // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 148–159.
- Денисов В.И.* Политико-правовой анализ депортации советских корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию // Ежегодник ИМИ – 2013 / Отв. ред. А.А. Орлов, редактор выпуска П.Б. Паршин. М.: МГИМО–Университет, 2013. Вып. 3–4. С. 212–219. URL: http://imi-mgimo.ru/images/pdf/Ezegodnik_IMI/ejegodnik_3-4_5-6_2013.pdf
- Жирнов А.М.* Черная металлургия как локомотив развития экономики Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 79–84.
- Завалишин А.Ю.* Социально-экономические предпосылки формирования жизненного пространства дальневосточников // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения. Материалы международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19–21 сентября 2011 г.). Комсомольск-на-Амуре, 2011. С. 233–238.
- Киреев А.А.* Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2011. 474 с.
- Конторович А.Э., Эдер Л.В., Филимонова И.В.* Газовая промышленность Дальнего Востока: современное состояние и перспективы развития // Газовая промышленность. 2014. № 1. С. 30–35.
- Ларин В.Л.* Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России / Рабочие материалы Карнеги. Октябрь 2013. М., 2013. 30 с.
- Научная конференция Центра политических исследований и прогнозов «3-й пленум ЦК КПК: новое руководство и стратегия реформ», 12 и 14 марта 2014 года // Сайт Института Дальнего Востока РАН. URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/4/854-nauchnaya-konferenciya-centra-politicheskix-issledovanij-i-prognozov-13-j-plenum-czk-kpk-novoe-rukovodstvo-i-strategiya-reform>
- Портяков В.Я.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14–27.
- Портяков В.Я.* Основные направления и особенности изучения международных отношений и внешней политики КНР в России в период 2000–2013 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 97–113.
- Портяков В.Я.* Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 16–20.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2004. 552 с.
- Романова Г.Н.* Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 119–130.

- Синтез научно-технических и экономических прогнозов. Тихоокеанская Россия – 2050 / Под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
- Сыроежкин К.Л.* Концепция формирования «экономического пояса на Шелковом пути»: проблемы и перспективы // Казахстан в глобальных процессах. 2014. № 1. С. 54–64. URL: http://iwer.kz/files/attachments/article/2014-04-30/imep_1_2014.pdf
- Труш С.М.* Китайская бюрократия и США: мотивации взаимозависимости и конфликта // Международная жизнь. 2013. № 11. С. 100–118.
- Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с. URL: <http://www.obraforum.ru/Siberia.htm>
- Здер Л.В., Филимонова И.В.* Особенности развития трубопроводного транспорта Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 125–136.

RUSSIAN EAST POLICY AND PROSPECTS FOR THE SIBERIAN FAR EAST

ALEXANDER CHECHEVISHNIKOV

Moscow State Institute of International Affairs (MGIMO University),
Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article analyzes Russia's policy in its Far East area in the context of its foreign policy in the Asia-Pacific Region with a focus on Russian-Chinese relations.

The key negative of the demographic situation in the Russian Far East is not the workforce shortage, but its poor quality. The massive immigration of non-Russian nationals from the Central Asian republics of the former USSR only exacerbates this problem. Meanwhile, the Kremlin is precisely emphasizing the lack of population in the Far East, which reflects the inherited Soviet-time attitude of people being the necessary instrument of control over a region.

The author argues that the sustainable control and balanced development of the Far Eastern territories do not require either an economic boom in this area or an expansion of trade. Nationals from South Korea are viewed as the best source of foreign labor, though this scenario is not very realistic under the present circumstances. The optimal level of Chinese immigration to Siberia should be directly defined according to the volume of investment from the potential newcomers to the local economy.

The economic benefits of Russia's new approach to the Asia-Pacific Region are mostly visible on the local level at the moment, specifically in the sphere of regional cross-border cooperation. As for large-scale energy projects, they are not too beneficial for the local economy due to significant tax breaks. The flaws of the national strategy of cross-border cooperation are obvious, as well as the flaws of the federal legislation in this field. These partly explain the obvious economic disparities between the border regions of Russia and China.

Russia should aim to ensure that none of its economic partners in the Far East acquire a dominating position. The optimal scenario for Russia would be a “concert of interests” of all principal investors and trade partners in the Far East – the U.S., Japan, Republic of Korea, and of course, China.

The article also deals with the scientific and analytical support of government decision-making in several policy spheres. The “eastern vector” of Russia's policy is being made in a certain international context. The fourth and fifth generations of the Chinese leadership are gradually moving away from the famous Deng Xiaoping's “strategy of 28 characters”. The discussion on China's new future role is under way. Oriental studies in Russia are inadequate in meeting this challenge. There is an apparent decline of interest

and a weakening of classical Sinological studies, as well as a decreasing competition in China-oriented analytics in general. Government actions to reverse the degradation of Oriental Studies in Russia are absolutely necessary.

Keywords:

strategic planning and implementation of programs for the Russian Far East; Russia's policy in the Asia-Pacific region; Russian-Chinese relations; Oriental studies in Russia.

References

- Alexandrova M. (2013) *Razvitiye vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti provintsii TSzilin' v period ekonomicheskikh reform* [Development of Foreign Trade Activities in Jilin Province during the Period of Economic Reforms]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 6: 69–87.
- Bogaturov A., Vinogradov A. (2002) *Anklavno-konglomerativnyy tip razvitiya. Opyt transsistemnoy teorii* [World as enclaves and conglomerates. Trans-systemic theoretical approach]. In: *Vostok – Zapad – Rossiya. Sbornik statey. K 70-letiyu akademika N.A. Simonii* [East – West – Russia. A collection of articles celebrating the 70th anniversary of academician N. Simonia]. Moscow: Progress – Traditsiya: 109–130.
- Bogaturov A. (2004) *Rossiyskiy Dal'niy Vostok v novykh geoprostranstvennykh izmereniyakh Vostochnoy Yevrazii* [Russian Far East in the new geospatial dimensions of Eastern Eurasia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. № 10: 90–98.
- Bogaturov A. (2007) *Zachem razrushat' Serbiyu?* [Why destroying Serbia?]. *Nezavisimaya gazeta*. December 4.
- Bogaturov A. (2008) *Gosudarstvo i biznes v konglomeratnom obshchestve* [Government and Business in Conglomerate Societies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. № 1 (16): 102–106.
- Bogaturov A. (2008) September 23. *Bor'ba bez protivopozhnosti* [A struggle without opposition]. *NG-stsenarii*.
- Bogaturov A. (2011) *“Prinuzhdeniye k partnerstvu” i iz'yany neravnovesnogo mira* [“Coercion to Partnership” and the Flaws of an Unbalanced World]. *Rossiya v global'noy politike*. № 6: 58–71.
- Denisov V. (2013) *Politiko-pravovoy analiz deportatsii sovetskikh koreytssev s Dal'nego Vostoka v Srednyuyu Aziyu* [Political and Legal Analysis of the Deportation of Soviet Koreans from Far Eastern Territories of the USSR into Central Asia]. *Yezhegodnik IML*. Issue 3–4: 212–219.
- Dyatlov V. (ed.) (2011) *Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The East of Russia: Migration and diasporas in the resettlement community. Turns of the XX and XXI centuries]. Irkutsk: Ottisk.
- Eder L., Filimonova I. (2013) *Osobennosti razvitiya truboprovodnogo transporta Kitaya* [Features of the Development of Pipeline Transport in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 2: 125–136.
- Guruleva T. (2013) *Razrabotka brenda prigranichnykh territoriy v usloviyakh rossiysko-kitayskogo vzaimodeystviya (na primere Zabaykalskogo kraya)*. [Brand-Building of Border Territories In Terms of Russian-Chinese Cooperation (on the Example of Trans-Baikal Region)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 5: 127–134.
- Guruleva T., Makarov A. (2013) *Organizatsionno-pedagogicheskiye problemy podgotovki kitayevvedov v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossii* [Organizational and Pedagogical Problems of Sinologist's Training in Higher Educational Institutions of Russia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 4: 148–159.
- Hill F., Gaddy C. (2007) *Sibirskoye bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushcheye Rossii* [The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Cold]. Moscow: Academic Educational Forum on International Relations.
- Kireyev A. (2011) *Dal'nevostochnaya granitsa Rossii: tendentsii formirovaniya i funktsionirovaniya (sere-dina XIX – nachalo XXI vv.)* [Far Eastern border of Russia: trends of shaping and functioning (mid XIX – early XXI centuries)]. Vladivostok: Far Eastern Federal University's publishing house.
- Kontorovich A., Eder L., Filimonova I. (2014) *Gazovaya promyshlennost' Dal'nego Vostoka: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Gas industry of the Russian Far East: current state and prospects of development]. *Gazovaya promyshlennost'*. № 1: 30–35.
- Larin V. (2013) *Vneshnyaya ugroza kak dvizhushchaya sila osvoyeniya i razvitiya Tikhookeanskoy Rossii* [External Threat as a Driving Force for Exploring and Developing the Russian Pacific Region]. *Moscow Carnegie Center. Paper Testimony*. October 2013.
- Minakir P., Sergiyenko V. (eds.) (2011) *Sintez nauchno-tekhnicheskikh i ekonomicheskikh prognozov. Tikhookeanskaya Rossiya – 2050* [Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Nauchnaya konferentsiya Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov «3-y plenum TSK KPK: novoye rukovodstvo i strategiya reform», 12 i 14 marta 2014 goda* [“The third plenum of the CPC Central Committee: new leadership and reform strategy” – academic conference of the Center for Political Studies and Forecasts, March 12 and 14, 2014]. Website of the Institute of Far Eastern Studies.

- Portyakov V. (2012) *Vneshnepoliticheskiye zavety Den Syaopina i ikh sovremennaya interpretatsiya* [Deng Xiaoping's Foreign Policy Precepts and Their Current Interpretation]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 5: 14–27.
- Portyakov V. (2013) *Osnovnyye napravleniya i osobennosti izucheniya mezhdunarodnykh otnosheniy i vneshney politiki KNR v Rossii v period 2000–2013 gg.* [Basic Trends and Features in Research of International Relations and Foreign Policy of the PRC in Russia (2000–2013)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 5: 97–113.
- Portyakov V. (2014) *Kontury vneshney politiki liderov Kitayskoy Narodnoy Respubliki pyatogo pokoleniya* [Outlines of the Foreign Policy of the Fifth Generation Leadership of the PRC]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 1: 16–20.
- Remnev A. (2004) *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russian Far East. Imperial geography of power XIX – early XX centuries]. Omsk: Omsk University's publishing house.
- Romanova G. (2013) *Predprinimatel'stvo, zemledeliye i promysly kitayskikh migrantov na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Business, Agriculture and Crafts of Chinese Migrants in the Russian Far East (Late XIX – Early XX Century)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 6: 119–130.
- Sumsky V. et al. (2013) *Aziatsko–Tikhookeanskiye orieryntiry Rossii posle sammitya ATES vo Vladivostoke. K itagam Vtorogo aziatsko–tikhookeanskogo foruma* [Russia's Guiding Landmarks in the Asia–Pacific after the APEC Summit in Vladivostok. The Outcomes of the Second Asia–Pacific Forum / Russian International Affairs Council]. Moscow: Spetskniga.
- Syroezhkin K. (2014) *Kontseptsiya formirovaniya «ekonomicheskogo poyasa na Shelkovom puti»: problemy i perspektivy* [The Concept of “Silk Road Economic Belt”: Issues and Prospects]. *Kazakhstan v global'nykh protsessakh*. № 1: 54–64.
- Troush S. (2013) *Kitayskaya byurokratiya i SShA: motivatsii vzaimozavisimosti i konflikta* [Chinese Bureaucracy and the US: Motivations for Interdependence and Conflict]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. № 11: 100–118.
- Vashchuk A. (1998) *Sotsial'naya politika v SSSR i yeye realizatsiya na Dal'nem Vostoke (seredina 40 – 80–kh godov XX v.)* [Social policy in the USSR and its implementation in the Russian Far East (1940s – 1980s)]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Voskresensky A. (2013) *Sotsial'nyye poryadki i prostranstvo mirovoy politiki (istoricheskaya evolyutsiya mirovoy sistemy)* [Social Orders and the World Political Space (Historical Evolution of the World System)]. *Polis*. № 2: 6–23.
- Zavalishin A. (2011) *Sotsial'no–ekonomicheskiye predposylki formirovaniya zhiznennogo prostranstva dal'nevostoknikov* [Socio–economic premises for formation of living space in Russian Far East]. In: *Dal'niy Vostok Rossii: sokhraneniye chelovecheskogo potentsiala i povysheniye kachestva zhizni naseleniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno–prakticheskoy konferentsii (g. Komsomol'sk–na–Amure, 19–21 sentyabrya 2011 g.)*. [Russian Far East: preservation of human potential and quality of life of the population. The materials of the international academic conference (Komsomolsk–on–Amur, September 19–21, 2011)]. Komsomolsk–on–Amur: 233–238.
- Zhirnov A. (2013) *Chernaya metallurgiya kak lokomotiv razvitiya ekonomiki Dal'nego Vostoka* [Iron and Steel Industry As an Engine of Economic Development of the Far East]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 5: C. 79–84.